

**Алексеев
Павел Алексеевич**

МОЯ ЖИЗНЬ НА ВОЙНЕ

**Три года и три месяца войны...
На память моим детям**

**Минск
«Колорград»
2020**

УДК 94(47+57)“1941/1945”

ББК 63.3(2)622

А47

Перевод с чувашского языка

Евдокимова Василия Леонтьевича и Шкода (Алексеевой) Эльвиры Павловны

Алексеев, П. А.

А47 Моя жизнь на войне : Три года и три месяца войны... На память моим
детям / Алексеев Павел Алексеевич. – Минск : Колорград, 2020. – 48 с.: ил.
ISBN 978-985-596-602-0.

Прошло уже 75 лет со дня победы народов СССР в Великой отечественной войне. Переведенный с чувашского языка военный дневник – послание своим потомкам. Он раскрывает историю тех лет – историю борьбы, скитаний и героизма. Это особенно важно для того, чтобы не было попыток искажения исторической правды, преуменьшения роли советского народа в победе над фашизмом.

За эти полные драматизма три года и три месяца войны родным воевавшего солдата пришли два извещения о том, что он пропал без вести, и одна «похоронка». К счастью, он выжил всем смертям назло!

Ответственность за себя, за товарищей, за Родину – это не просто слова. Это поступки, совершенные ради всеобщей победы. Повествование, разделенное по датам, четко отражает временную линию, что создает ощущение присутствия, и читатель переживает все события вместе с автором дневника – простым чувашским парнем Павлом Алексеевым.

УДК 94(47+57)“1941/1945”

ББК 63.3(2)622

ISBN 978-985-596-602-0

© Алексеев П. А., 2020

© Оформление. ООО «Колорград» 2020

Дочь Эльвира благодарит родственника
Евдокимова Василия Леонтьевича за помощь
в переводе дневника ее отца с чувашского языка на русский.

Солдату-освободителю

(Алексееву Павлу Алексеевичу посвящается)

Проходят годы, отдаляя дату,
Почетнее которой нет в веках.
Поклон тебе, советскому солдату,
Который мир принес в своих руках!
Лишенья, голод, смерть друзей и близких,
Отчаянье, бросок в смертельный бой..
Людская память в скромных обелисках
Увековечила великий подвиг твой!

Анатолий Шкода

Много различных воспоминаний о войне уже было опубликовано, но именно этот дневник наиболее близок мне и моей семье. Это повесть о самых сложных годах жизни моего деда, рассказанная лично им. У него есть чему поучиться, есть над чем задуматься, читая строки его повествования. Мне есть кем и чем гордиться. Пусть эта книга будет благодарной памятью Павлу Алексеевичу Алексееву от его детей и внуков.

Екатерина Фурс (Шкода)

**Военный дневник Павла Алексеевича Алексеева,
уроженца села Тогаево Мариинско-Посадского района
Чувашской Республики**

1941 год. На дворе уже весна. Вот и Первомайские праздники позади, а погода все еще холодная. Сегодня, 4 мая, нас, чувашских парней, вызвали по повесткам в Марпосадский райвоенкомат. Собралось всего 350 человек.

Сначала нас обследовала врачебная комиссия и объявила, что все мы годны к армейской службе. Потом нам сказали, чтобы завтра явились в военкомат со всеми необходимыми вещами.

5 мая я попрощался с родными и вышел из дома, сказав, что скоро вернусь. Из Марпосада в Чебоксары нас доставили на пароходе. После ночевки в Чебоксарах всех отправили на станцию Канаш, где пробыли 2–3 дня и поехали в город Ярославль. Уже там мы узнали, что нас привезли учиться в Военно-морском училище. Училище расположено в большом светлом белом двухэтажном здании на берегу нашей большой реки Волги. Вот так мы – 350 чувашских парней – начали учиться на военных моряков.

22 июня 1941 года, по случаю выходного дня нас разбудили поздно. В 7 часов утра по тревоге построили на плацу. Директор училища с преподавателями и мы, курсанты, приготовились слушать радио. Прозвучало сообщение из черной тарелки, что на нас вероломно напали войска фашистской Германии. К этому времени они уже сбросили бомбы на Одессу, Киев, Ленинград, Минск и другие города. Пострадали ни в чем не повинные люди, ничего не понявшие спросонья. Услышав эти слова, мы поклялись все как один встать на защиту Родины и разгромить врага.

Август 1941 года. Бои становятся все более ожесточенными. Сколько людей погибает в этих сражениях! И к нам в Ярославль прибыл эшелон с ранеными советскими солдатами. У кого руки, у кого ноги оторваны в боях. Горожане очень жалеют раненых солдат, сочувствуют им. После этого у населения еще больше поднимается праведный гнев против чужеземцев. Городское население от мала до велика стало трудиться на заводах и фабриках, не жалея сил.

Сентябрь 1941 года. В один из дней к вечеру попрощались с городом Ярославлем, сняв бескозырки и пожелав доброго здоровья. Нас, 1200 курсантов-солдат, посадили в вагоны и повезли в сторону Москвы. У каждого в голове мысль: смогу ли я вернуться из этой мясорубки живым и невредимым? Днем и ночью наш паровоз катит вперед. Подъезжаем к городу Воронежу. Звучит сигнал тревоги. Вражеские самолеты сбрасывают на железнодорожную станцию бомбы. Мы как горох высыпали из вагонов и легли на землю. Через пару часов наш состав опять тронулся вперед. Доехали до Ростова. Потом до небольшого городка Ейска, расположенного на берегу Азовского моря. Погода очень теплая, даже душная. Подумалось: как было прекрасно тут жить до войны! Это Кубань. Земля тут богатая. Растут виноград, апельсин, черешня, арбузы, дыни и другие диковинные для нас фрукты. А какие здесь здания! Очень здорово смотрятся курортно-санаторные корпуса. Разместили нас в одном из этих красивых зданий. Попросив разрешения, я отправился знакомиться с городом Ейском.

На заре нас разбудили, посадили на большие морские корабли, и по Азовскому морю мы поплыли в город Керчь. Плыли целые сутки. Когда корабли приблизились к Керчи, нас атаковали три немецких самолета, а мы стали стрелять по ним из винтовок. Стреляли по ним еще и зенитные пушки. Большого вреда самолеты не нанесли. Сбросили большинство бомб в море, подняв фонтаны брызг. Погибших не было.

Ейск – Приморско-Ахтарск

Пройдя строем по улицам Керчи, мы пришли в поселок Камыш-Бурлы, что в 12 км от города. Здесь хорошо слышен звук от выстрелов немецких орудий. Ежедневно кружатся несколько вражеских самолетов-разведчиков, а потом прилетают бомбардировщики и сбрасывают на город бомбы. Нескольких моих товарищей ранили, были и убитые.

После полумесячных боев нашему морскому отдельному 14-му батальону дали приказ переправиться в сторону Кубань-Кавказ. Погрузившись на катера, переплыли Керченский пролив и высадились в городе Приморско-Ахтарск. Здесь тихо, как будто и нет войны. Через день ходим на караульную службу. За сентябрь, октябрь и ноябрь мы накопили на берегу Азовского моря много всяких окопов, траншей, ячеек. Осень, холодно, постоянно идут дожди, а мы ночуем на открытом воздухе.

Десант освобождает Керчь 01.01.1942

28 декабря всех десантников собрали в одно место и сообщили, что нашему отдельному 14-му батальону морской пехоты предстоит освободить город Керчь. Моряков-десантников одели в хорошее обмундирование, дали каждому из нас достаточно вооружения, пропитание (сухой паек на 3–4 дня), и темной ночью, погрузившись на катера, мы двинулись на сторону врага. Холодно, идет снег. На море были волны 7–8 баллов. Некоторых начало тошнить от морской качки. Еще до рассвета наши катера приплыли к месту назначения.

Город Керчь в руках врагов. Спит, как будто ничего не случилось. Изредка то тут то там в воздух взлетают сигнальные ракеты, освещают окрестности и гаснут. Где-то далеко слышится редкая канонада. Пришел приказ: мы должны

высадиться на берег, занятый врагом. Наши лодки на волнах кидает как щепки, никак не пристать к берегу. Фашисты нас обнаружили — темное небо и море озарили свет ракет и лучи прожекторов. И началась тут какофония ружейно-артиллерийская. Везде рвутся мины и снаряды, вода кипит от пуль! Невозможно находиться на палубе, и мы прыгаем в бушующее море, где глубина нам по шею.

С трудом поднялись на берег и вошли на улицы Керчи. Вся одежда на нас смерзлась. Холод нестерпимый, губы не хотят смыкаться, зубы стучат неимоверно. Чтобы не простудились и не заболели, нам всем накануне выдали спирт. Много вражеских солдат уничтожили в этом бою, но и наши потери были немалые. К утру наши войска отогнали врага на 7—8 км. Там, в двух-трех километрах от Керчи, в низине среди гор мы увидели страшную картину: лежат расстрелянные немцами советские люди. Сказали, что примерно 7 тысяч человек. Кого только тут нет! Но больше всего стариков, женщин и детей. Всех их настигла одинаковая смерть. Страшно смотреть на такое количество трупов! Увидев такое, всякий подумает, что этих извергов неминуемо постигнет собачья смерть. Много пролилось людских слез, и мы еще больше стали ненавидеть фашистскую нечисть.

1941–1942 годы. Кубань – Керчь – Крым

В январе отступили на Приморско-Ахтарск. В эти январские дни 1942 года страшно холодно. Два часа на посту кажутся вечностью. Мы опять охраняем берега Кубани у городов Темрюк и Тамань. Месяц июнь. К фашистам пришло подкрепление, и, казалось, враг заполнил своими солдатами весь Крымский полуостров. Нашим войскам опять пришлось оставить Севастополь, Феодосию, Керчь. Враг взял Таганрог, Ростов и, наступая далее, приблизился к Кав-

казским горам и Краснодару. Когда отступали от Керчи, фашисты сильно потрепали наши войска, направляя на нас до одной тысячи самолетов. Вода в Керченском проливе как будто кипела от разрывов немецких бомб и снарядов. Спасались кто как мог. На воде держались на досках, бревнах, на спасательных кругах, при помощи спасательных жилетов. Солдат подбирали лодки, баржи, катера, пароходы. Вот такое поражение потерпела наша армия в Керченском проливе. В это время у нас не было достаточно сил, чтобы сопротивляться врагу. В июле-августе 1942 года враг еще сильнее стал напирать — волей-неволей советским войскам пришлось оставить великие кубанские степи, но своими контратаками наши войска изматывали вражеские силы. 12 августа 1942 года пришел черед и нам оставить Приморско-Ахтарск. На рассвете было объявлено, что мы на морских катерах по Азовскому и Черному морям должны прибыть в город Новороссийск. Мы выступили. Солнце еще не поднялось, а на нас с воздуха уже напали немецкие самолеты и бомбами начали нас крошить. Несмотря на то что по немецким самолетам стреляли разные зенитные орудия, большого вреда самолетам они не нанесли, а вот самолеты потопили несколько наших катеров. Все же большинство катеров, сумев выйти в Черное море, направились в сторону Новороссийска. Наш катер, видимо, получил повреждение. Вода стала быстро поступать, и катер начал тонуть. Помирать не хочется — и мы прыгнули в бушующее море. Увидели невдалеке берег. Поплыли в одном нижнем белье и выплыли только трое из восьми товарищей. Куда деться? Спрятались в камышах на болотистом лимане. Невомверно кусает мошकारа, слепни. Так и просидели весь день голодными. Вечером, как только стемнело, вышли на хуторок из 3-4 домов. Там жили колхозники-рыбаки: старики да дети малые, здоровых мужиков нет, все на войне.

Увидели нас, пожалели: дали брюки, пиджаки, обувь. Все старое, конечно. Накормили. День провели опять в камышах, отдохнули. Понимая, что на этом хуторе нам так не выжить, мы попрощались с хуторскими и зашагали в сторону Ростова. Шли только ночью. Сколько бед и лишений перетерпели мы на этом пути по земле, захваченной врагами!

Ростов уже недалеко. Ночью видим свет фар автомобилей, танков. Много немецкой техники движется в сторону фронта. Поняли, что здесь перейти линию фронта не получится и повернули обратно, но и там было полно немецких солдат. Прошагали 2—3 ночи и дошли до колхозного полевого стана. Здесь у колхозников есть постройки и для работы, и для ночевки, а кроме этого имеются зерновые склады. Обосновались здесь и стали работать как колхозники. Оговорили условия работы: надо работать в поле, взамен будут кормить, давать муку и мясо. Все эти продукты мы должны получить в правлении колхоза, расположенного в 7—8 км. В этой же станице находились и немцы с полицаями-предателями. Поехал один наш друг-моряк в станицу, схватили его полицаи, сдали в комендатуру и повесили как партизана. А нас спасла казачка-комсомолка, прибежав и разбудив ночью.

Пришлось мне с другом-моряком, оставив полевой стан, отправиться в сторону Приморско-Ахтарска. Тут горожане живут только рыбалкой. Есть небольшой рыбозавод с цехами и электростанция. С железнодорожного вокзала ходят поезда в Краснодар. Кубанская степь широкая. От станицы до станицы, от хутора до хутора, от города до города все 20-30 км будет. Чтобы немцы с полицаями не догадались, кто мы, взяли в руки косы, грабли и подошли к рыбакам на берегу моря.

Узнали про обстановку в городе, только когда вошли в него. Все же есть у нас добрые люди: пожалели нас — военных моряков. Мы зашли в дом под номером 50, где жила